

*anthroponymical units is proved: Билтуновичъ < Prus. Biltune; Войдамович < Prus. Waydote; Дорз < Lith. Dargis; Кершонь < Lith. *Keršonis; Корѣва < Lith. Kareiva; Крукъждо < Lith. Krugžda; Миркли < Lith. Mirklys; Регула < Lith. Regula, etc. Typical ways of phonetic assimilation are fixed: Lith. g > Old Ukr. з: Dargas > Дорз; Lith. g > Old Ukr. к: Girdūtis > Кердуми; Lith. a > Old Ukr. о: Kareiva > Корѣва; Lith. ę > Old Ukr. у: Kęstūtis > Кестюми; Lith. i > Old Ukr. е: Girdūtis > Кердуми; Lith. au > Old Ukr. у: tautienis > Тутении, etc. Anthroponyms of the analyzed group preserve primary affixation of Baltic forms (compare -ut->-ум: Lith. Girdūtis, Kęstūtis > Old Ukr. Кердуми, Кестюми; -ot->-at-: Lith. Vaidotas > Old Ukr. Войдамович; -in->-ун-: Prus. Biltune > Old Ukr. Билтуновичъ; -ul->-ул-: Lith. Jaunulis > Old Ukr. Єнюли, etc.). It is stated that clipping of stems as a reason of splitting of old Baltic composites on the basis of Old Ukrainian have not been taken place.*

Keywords: Old Ukrainian, anthroponym of Lithuanian origin, one-stem anthroponym, assimilation, patronymic suffix.

Н. М. Кувшинова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАЛЕК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XVIII ВВ.

В русском языке XVII–XVIII вв. значительную часть иноязычных слов составляли немецкие лексические заимствования, анализ которых позволил продемонстрировать широкий спектр процессов их семантического освоения в языке-реципиенте, в том числе семантическое калькирование. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: язык-источник, язык-реципиент, немецкие лексические заимствования, семантическое калькирование, семантическая калька, значение.

Изучение большинства лексических явлений, как правило, начинается с их семантики. Слово в его многообразных смысловых связях в системе языка берется за основу исследования как основная единица в лексике и семантике [9, с. 137]. Научная интерпретация слова должна основываться на единстве его смысловых и лексико-грамматических признаков. Слова и их значения в том или ином языке, как отмечал еще В. В. Виноградов, образуют внутренне связанную, единую, общую для всех членов общества систему. Слово соотносится с действительностью, отражает ее, выражает свои значения не само по себе, а лишь через систему значений, составляющих семантический строй языка [1, с. 186], который постепенно развивается и совершенствуется.

В процессе адаптации иноязычного слова весьма существенной оказывается способность его самого активно влиять на семантическую систему заимствующего языка и включаться в нее, и как следствие этого – происходит перераспределение отдельных микроструктур словаря (в

частности, многозначных и омонимичных слов, синонимических и антонимических рядов). Это усиливает интерес и к реакции языка-реципиента на заимствованную лексику. “Поведение” иноязычного материала на этом уровне его адаптации выявляет обычно возможности его дальнейшего функционирования. Между семантическими объемами разноязычных слов устанавливаются известные соотношения, коррелируемые особенностями воспринимающей системы.

Семантический аспект освоения заимствованной лексики в большинстве работ, посвященных заимствованиям (Э. Е. Биржакова, О. В. Ильина, Р. С. Кимягарова, З. Н. Козлова, Л. А. Новиков, Л. В. Гребинник и др.), рассматривается особенно активно. Семантика иноязычного слова, присущая ему в языке-источнике, может в заимствующем языке развиваться в нескольких направлениях. Суждения лингвистов сходны в том, что проникновение иноязычных слов в язык-реципиент обусловлено необходимостью в назывании новых явлений и предметов, а адаптация и усвоение их связано с моментом актуальности и социальной значимости данных понятий. Касательно процессов освоения заимствованных слов в русском языке существуют разные точки зрения. Взгляды ученых разделились: одни из них (Р. С. Кимягарова, З. Н. Козлова, Л. А. Новиков, Л. В. Гребинник и др.) считают, что слово только при вхождении в заимствующий язык испытывает влияние языка-источника, а само освоение происходит свободно от прежних связей; другие же (Э. Е. Биржакова, О. В. Ильина и др.) утверждают, что на освоение иноязычного слова влияет язык-источник и развитие семантики заимствованного слова возможно только при контактировании языка-источника и языка-реципиента. Опираясь на свои наблюдения над процессами семантического освоения немецких заимствований, мы склонны присоединиться к первому суждению.

Целью статьи является раскрытие характера семантических отношений немецкоязычных заимствований в процессе их ассимиляции в языке-реципиенте, в том числе семантического калькирования.

Освоение немецких заимствований в русской лексико-семантической системе, их адаптация и функционирование в новых условиях относится к сложным явлениям. При рассмотрении языкового материала исследуемого нами периода использовались разные толковые словари, которые охватывали не только общеупотребительную лексику, но и специальную терминологию. Это обусловлено множеством расхождений в толковании тех или иных слов и стремлением к объективности анализа.

При освоении немецких лексических заимствований к основным направлениям относятся заимствования, которые функционируют в русском языке в том же объеме, что и в немецком, и заимствования, которые подвергаются семантическим преобразованиям на русской почве. В основную

группу входят лексемы, у которых совпадают лексические значения в русском и немецком языках. В основном это слова из различных терминосистем, которые семантически устойчивы и преобладают в количественном плане. Прежде всего это специальные термины, обозначающие определенные механизмы, инструменты, детали машин и т. п., и профессиональная лексика: *вальма* [Wálm], *веркблей* [Wérkblei], *зальбанд* [Sálband], *карналлит* [Karnallít], *кизельгур* [Kieselgur], *клейстер* [Kléister], *колоннитул* [Kolúnnentitel], *корнпапир* [Kórnpapier], *липарит* [Liparít], *абзетцер* [Ábsetzer], *дрель* [Drillbohrer], *дюбель* [Dübel], *кернер* [Kórner], *кран* [Krán], *крейцкопф* [Kréuzkopf], *кунрегель* [Kíppregel], *клемма* [Klémmе], *клафтер* [Kláfter], *ростверк* [Róstwerk], *шлагбаум* [Schlágbaum], *шпинель* [Spinell], *шплинт* [Splint], *штекер* [Stécker], *штихель* [Stichel], *абрис* [Ábriß], *клавираусzug* [Klavíerauszug], *культуртрегер* [Kultúrträger], *миннезингер* [Minnesinger], *обертон* [Óberton].

При семантическом калькировании результатом процесса становится расширение семантических возможностей исконного (реже – заимствованного) слова языка-реципиента, появление у него новых предметно-понятийных связей. В русском языке XVII–XVIII вв. основную массу семантических калек составляют переводы немецких слов. Обычно имеет место лишь определенная модификация значения слова, сближение и приспособление его семантики к семантике слова из другого языка, – само слово в своем значении является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению [12, с. 45]. Подобный тип калек представлен в целом ряде русских слов.

У существительного **двор** значение “окружение монарха, состоящее из знатных лиц” (*царский двор*), появилось от нем. *Hof* со значением “совокупность лиц”: *Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход* [10, с. 234]. Семантическое калькирование способствовало метонимизации по модели “от обозначения места к обозначению собрания людей”.

Слово **движение** свое значение “изменение положения тела или его части” (*легкое движение пальцев*) приобрело в результате семантического калькирования от нем. *Bewegung*. Новое значение возникло по модели “от обозначения движения в целом к обозначению пантомимических явлений”. *Хмурое утро. Адмирал Мильн поднимается, и Митфорд повторяет это движение* [4, с. 46]; *По движению его руки ... Катя поняла, что юноша читает стихи* [7, с. 368].

Слово **кафедра** свое значение “внутривузовское учреждение, объединение преподавателей по определенной отрасли знаний” приобрело в результате семантического калькирования от нем. *Lehrstuhl* со значением “возвышение для оратора” по модели “от обозначения предметов мебели к обозначению учреждений”.

Слово **дар** как “способность, талант” (*У адвоката был необыкновенный дар описывать* [13, с. 109]) является семантической калькой немецкого слова *Gabe*: *Er, Sepp Nraunwein, hatte die Gabe, das Gute länger und tiefer zu dewahren als das Schlechte* [3, с. 153] – Он, Зенн Траутвейн, обладал **даром** хранить в себе хорошее дольше и глубже, чем плохое (здесь и далее перевод наш – Н. К.).

Слово **задача** в значении “то, что требует исполнения, решения” ([Самгин] *свел задачу жизни своей к воспитанию в себе качеств вождя, героя, человека, не зависимо от насиллий действительности* [2, с. 175]) – это семантическая калька с немецкого *Aufgabe*. Слово *Aufgabe* встречается в этом значении у Л. Фейхтвангера: *Jetzt hat er seine Aufgabe für das kommende Jahr erkannt* [17, с. 62] – Сейчас он узнал свою **задачу** на текущий год.

Слово **оборот** как “выражение” (*В 8 часов вечера вчера я позвал к себе старосту Василия, который говорит красноречиво, путая городские обороты с крестьянской речью* [11, с. 32] определяется Н. М. Шанским как семантическая калька с немецкого *Wendung* [16, с. 75].

К семантическим калькам с немецкого языка относится и слово **попутчик** в значении “лицо, временно или только отчасти примыкающее к какому-либо общественному движению” [7, с. 563], которое по-немецки звучит как *Mitlaufer*. Например: *Для осуществления этой идеи неизбежно присоединение к нашей политической партии попутчиков* [18, с. 736].

Слово **цилиндр** в значении “твердая шляпа в форме цилиндра с короткими полями” (*И Петр Леонтьич, отец, в цилиндре, в учительском фраке, уже пьяный и уже очень бледный, все тянулся к окну со своим бокалом* [14, с.167]) заимствовано из немецкого языка как семантическая калька слова *Zylinder* или *Zylinderhut*.

Прилагательное **безграничный** – “интенсивный, полный” – семантическая калька с нем. *Grenzenlos*. Калькирование произошло по модели “от обозначения признака меры физических явлений к обозначению признака интенсивности душевных состояний и явлений”: *безграничное доверие*. Слово **безграничный** отмечено в этом же значении в немецком языке: *Er ist gutmutig, zuweilen mehr als das: edelmutig, hochherzig, und er ist komodiatisch, voll von grenzenloser, lacherlicher Geltungssucht* (Feuchtwanger Die Fuchse) [17, с. 513] – Он **благодушен**, временами даже великодушен и благороден, но сколько **фиглярства** в его **безграничном, смешном тщеславии**.

Прилагательное **безвкусный** в значении “пошлый, лишенный изящества” [7, с. 70] (*Эраст Грамилов – актер плохой, безвкусный, примитивный* (Там же)) является семантической калькой с немецкого *geschmacklos* “невкусный, пошлый”.

Слово **бешеный** – “страдающий водобоязнью” (*бешеная собака*) – является семантической калькой с немецкого *Toll* по чертам сходства сильно раздраженного человека и человека, страдающего бешенством как болезнью, или от представления, что в заболевшего водобоязнью вселился бес. В немецко-

русском синонимическом словаре слово *Toll* поставлено в один синонимический ряд со словами *sohnedlicher* с ума, *zwecklos*, то есть в немецком языке оно тоже употребляется в значении “бешеный”, например: *Warum spricht sie so viel, frage ich mich innerlich, warum stellt sie sich nicht vor, warum nimmt sie den Schleier nicht ab? Hat sie Fieber? Ist sie krank? Ist sie toll?* [7, с. 47] – Почему она так много говорит, задаю я себе вопрос, почему не называет себя? Почему не снимает вуали? У нее лихорадка? Она больна? **Бешеная?**

Аналогичная ситуация с прилагательным **близорукий**. “Словарь русского языка” С. И. Ожегова приводит это слово в двух значениях: “1) плохо видящий на далекое расстояние; 2) *перен.* недалековидный, непроницательный, лишенный проницательности”. Например, **близорукий политик**. При этом второе значение сопровождается пометой “переносное”, где перенос осуществляется по модели “от физического признака к нравственно-оценочному признаку” [8, с. 51]. Оно является семантической калькой с немецкого слова *Kurzichtig*, имеющего в языке-источнике аналогичное значение.

Прилагательное **гнилой** в значении “общественно вредный” из нем. *Taui*. Метафоризация от **гнилой** “испорченный гниением” по модели “от обозначения качества плода к обозначению и оценке нравственно-политических качеств личности”.

Слово **острый** в значении “сильный, ясно выраженный” (**острая боль**) от нем. *Scharf*. Метафоризация **острый** “тонкий, режущий” по сходству ощущения от внешнего и внутреннего раздражения тела, организма. Например, *Паука взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им* [15, с. 351].

Рассматриваемый тип калькирования характерен и для глаголов. Например, **висеть** определяется в “Толковом словаре русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [7] как “1) находиться в висячем положении, уцепившись за что-нибудь: *Обезьяна висит на хвосте*; 2) будучи прикрепленным вверху, находиться в направленном вниз положении без опоры: *Картина висит на стене*; 3) ждать исполнения, грозить: *Над ним висит опасность*”. Это значение восходит к мифу о Дамокловом мече и является семантической калькой с немецкого *Schweben*: *В осажденном городе Севастополе ежеминутно висит смерть над головой каждого аристократа и не аристократа* [7, с. 84].

Глагол **вызвать** в значении “спросить, заставить отвечать”, например, **Вызванный** учителем, *Богатырьков отвечал не сразу* [7, с. 256] выступает как семантическая калька с немецкого *Herausrufen* “вызывать”: *Schauspieler herausrufen* [17, с. 377].

Значение используемого в качестве вводного слова глагола **выходить** “обнаруживаться, выясняться” (“*Значит, вы, выходит, сынок Сергея*”

Петровича Шишкина?” [6, с. 97]) является семантической калькой с немецкого *Auskommen*.

Глагол **вертеться** имеет несколько значений: “1) находиться в состоянии кругового движения. *Колесо вертится*; 2) поворачивать из стороны в сторону, меняя положение. *Вертеться перед зеркалом*; 3) постоянно находиться на виду, мешая. *Вертеться около старших*; 4) постоянно находиться в мыслях, припоминаться, сконцентрироваться на чем-либо: *Разговор вертелся вокруг последнего события*” [7, с. 75]. Последнее значение выступает как семантическая калька с немецкого *Drehen sich* – “вертеться”: *Какую бы партию мы не взяли в России или все политические споры, расхождения, мнения вертятся сейчас около понятия о государстве* [7, с. 75].

Глагол **накрыть** в значении “поймать, застать где-либо” (**накрыть преступников**) от нем. *Entdecken*. Метафоризация “накрыть, закрыть сверху” в связи с ловлей птиц. *В Шепелевке он раз попытался накрыть его с конями в поле* [5, с. 243].

Слово **загнать** в значении “продать” (*Я казенные чулки на базаре и загнал* [7, с. 173]) представляет собой семантическую кальку с немецкого *Treiben*. Ср.: нем. *Handel treiben* буквально “гнать торговлю” и рус. *гнать товар*; нем. *eine Sache in die Höhe treiben* и русское *гнать цену* [7, с. 173].

Значение глагола **подрывать** “наносить вред, дискредитировать; подрывать авторитет, доверие” [7, с. 466] является семантической калькой немецкого слова *untergraben*, имеющего в языке-источнике аналогичное значение.

Таким образом, если русское слово под влиянием иностранных слов получает новое значение, то такое слово представляет собой семантическую кальку. Для усвоения заимствованного значения лексической системой языка-реципиента важен факт его семантической эволюции в новых языковых условиях.

Л и т е р а т у р а :

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / Виктор Владимирович Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. *Горький М.* Собрание сочинений : в 30-ти т. / Максим Горький. – Т. 19. – М. : ГИХЛ, 1952. – 346 с.
3. *Карамзин Н. М.* Предания веков / Николай Михайлович Карамзин. – М. : Правда, 1987. – 768 с.
4. *Куприн А. И.* Собрание сочинений : в 2 т. / Александр Иванович Куприн. – М. : Худ. литература, 1981. – Т. 1. – 482 с.
5. *Куприн А. И.* Собрание сочинений : в 9 т. / Александр Иванович Куприн. – М. : Худ. литература, 1971. – Т. 3. – 394 с.

6. *Лавренев Б.* Стратегическая ошибка / Борис Лавренев. – М. : Сов. писатель, 1957. – 160 с.
7. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 944 с.
8. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского язык / А. Г. Преображенский. – Т. I. – М., 1959. – С. 51.
9. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация / Светлана Григорьевна Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.
10. *Толстой Л. Н.* Война и мир : роман в 2 т. / Лев Николаевич Толстой. – К. : Днепр, 1986. – Т. 1. – 746 с.
11. *Толстой Л. Н.* Дневник помещика / Лев Николаевич Толстой. – М. : Худ. литература, 1984. – Т. 21. – 140 с.
12. *Филин Ф. П.* Очерки по теории языкознания / Федот Петрович Филин. – М. : Наука, 1982. – 336 с.
13. *Чехов А. П.* Сильные ощущения // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 18. – М. : Наука, 1976. – С. 108–112.
14. *Чехов А. П.* Анна на шее // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 9. – М. : Наука, 1985. – С. 161–173.
15. *Чехов А. П.* Беглец // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 6. – М. : Наука, 1985. – С. 346–352.
16. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка / Николай Максимович Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 328 с.
17. *Feuchtwanger L.* Feuchtwanger Exil. DRS 1983, 161S. / Jhrb. 1983, 1, 61–72. Record 34 of 56 – MLA Bibliography 1981–5/98. TI: Lion Feuchtwanger und das kalifornische Exil. – AU : Lammert-Eberhard.
18. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Langenscheidt KG.* – Berlin und München, 2008. – 1312 s.

References :

1. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov [Essays on the history of Russian standard language XVII–XIX centuries] / Viktor Vladimirovich Vinogradov. – М. : Vysshaya shkola, 1982. – 528 s.
2. *Gorkiy M.* Sobraniye sochineniy [Collected Works] : v 30 t. / Maksim Gorkiy. – Т. 19. – М. : GIKhL, 1952. – 346 s.
3. *Karamzin N. M.* Predaniya vekov [Centuries of tradition] / Nikolay Mikhaylovich Karamzin. – М. : Pravda, 1987. – 768 s.
4. *Kuprin A. I.* Sobraniye sochineniy [Collected Works] : v 2 t. / Aleksandr Ivanovich Kuprin. – М. : Khud. literatura, 1981. – Т. 1. – 482 s.
5. *Kuprin A. I.* Sobraniye sochineniy [Collected Works] : v 9 t. / Aleksandr Ivanovich Kuprin. – М. : Khud. literatura, 1971. – Т. 3. – 394 s.
6. *Lavrenev B.* Strategicheskaya oshibka [Strategic error] / Boris Lavrenev. – М. : Sov. pisatel, 1957. – 160 s.

7. *Ozhegov S. I.* Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 2007. – 944 s.
8. *Preobrazhenskiy A. G.* Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian language] / A. G. Preobrazhenskiy. – T. I. – M., 1959. – S. 51.
9. *Ter-Minasova S. G.* Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication] / Svetlana Grigorevna Ter-Minasova. – M. : Slovo, 2000. – 262 s.
10. *Tolstoy L. N.* Voyna i mir [War and Peace] : roman v 2 t. / Lev Nikolaevich Tolstoy. – K. : Dnepr, 1986. – T. 1. – 746 s.
11. *Tolstoy L. N.* Dnevnik pomeshchika [Diary of landlord] / Lev Nikolaevich Tolstoy. – M. : Khud. literatura, 1984. – T. 21. – 140 s.
12. *Filin F. P.* Ocherki po teorii yazykoznaniiya [Essays on the Theory of Linguistics] / Fedot Petrovich Filin. – M. : Nauka, 1982. – 336 s.
13. *Chekhov A. P.* Silnye oshchushcheniya [Strong feelings] // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. – T. 18. – M. : Nauka, 1976. – S. 108–112.
14. *Chekhov A. P.* Anna na shee [Anna on the Neck] // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. – T. 9. – M. : Nauka, 1985. – S. 161–173.
15. *Chekhov A. P.* Beglets [Fugitive] // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 30 t. – T. 6. – M. : Nauka, 1985. – S. 346–352.
16. *Shanskiy N. M.* Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka [Lexicology of the modern Russian language] / Nikolay Maksimovich Shanskiy. – M. : Prosveshcheniye, 1972. – 328 s.
17. *Feuchtwanger L.* Feuchtwanger Exil. DRS 1983, 161S. / Jhrb. 1983, 1, 61–72. Record 34 of 56 – MLA Bibliography 1981–5/98. TI : Lion Feuchtwanger und das kalifornische Exil. – AU : Lammert-Eberhard.
18. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Langenscheidt KG. – Berlin und München : 2008. – 1312 s.

Кувшинова Н. М. Формування семантичних кальок у російській мові XVII–XVIII ст.

У російській мові XVII–XVIII ст. значну частину іноземних слів склали німецькі лексичні запозичення, аналіз яких дозволив продемонструвати широкий спектр процесів їх семантичного освоєння в мові-реципієнті, у тому числі семантичне калькування. Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, та результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: мова-джерело, мова-реципієнт, німецькі лексичні запозичення, семантичне калькування, семантична калька, значення.

Kuvshinova N. M. Formation of semantic cripples in Russian language of the XVII–XVIII centuries.

In Russian language of the XVII–XVIII centuries, the significant part of foreign words were German lexical borrowings, analysis of which allowed the author to demonstrate a general spectrum of processes of semantic adaptation of German borrowings, including semantic cripples. The semantics of foreign words, its inherent in the language-source, may borrow the language developed in several directions. The penetration of foreign words into the language-recipient due to the need in the naming of new phenomena and objects, and the adaptation and assimilation of them connected with the moment of relevance and social importance of these

concepts. With the development of German lexical borrowings to the main areas the borrowings, which operate in the Russian language to the same extent as in German, and borrowings, which are subject to semantic transformations on Russian soil. The main group consists of lexemes that have the same lexical value in Russian and German. At the semantic counter-drawing expansion of semantic possibilities of native (rarely - borrowed) word of language-recipient becomes the result of process, appearance for him new in-concept connections. Usually only certain modification of value of word, rapprochement and adaptation of his semantics, takes place to semantics of word from other language, - a self word in the value is native, one of inherent to him values is under an obligation to the foreign origin. If the Russian word under influence of foreign words gets a new value, then such word presents a semantic tracing paper.

Keywords: language-source, language-recipient, German lexical borrowings, semantic cripple, meaning.

О. В. Прискока
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

ДО ІСТОРІЇ НАЗВ СПОРУД ТА ПРИМІЩЕНЬ УВ'ЯЗНЕННЯ В ПИСЕМНОСТІ КИЇВСЬКОЇ РУСІ (*тьмьница, погребъ, порубъ*)

У статті висвітлюється історія трьох найбільш уживаних у давньокиївській писемності назв споруд та приміщень ув'язнення – “*тьмьница*”, “*погребъ*”, “*порубъ*”. Ці слова обрані для розгляду з-понад вісімнадцяти лексичних одиниць даної тематичної групи, оскільки саме вони складають її ядро і знаходяться в центрі уваги багатьох дослідників. Дослідження виконано на матеріалі давніх писемних пам'яток з простеженням їх долі в східнослов'янських мовах.

Ключові слова: лексема, тематична група слів, етимологія, дериват, ув'язнення, тюрма, пам'ятка писемності.

Проблема дослідження історії лексичного складу східнослов'янських мов, незважаючи на існування великої кількості присвячених цьому питанню наукових праць, і сьогодні залишається актуальною. Особливої уваги вимагає вивчення лексики, відбитої пам'ятками писемності давньокиївської доби, оскільки її писемне функціонування найбільш віддалене у часі від наших днів, а тогочасна мовна ситуація достатньою мірою не з'ясована. Тому кожен новий крок у цьому напрямі наближає дослідників до вирішення таких важливих наукових проблем, як історія східнослов'янських літературних мов на ранньому етапі їх формування, мовна ситуація у Київській Русі, давньокиївська лексична спадщина у східнослов'янських мовах тощо.

Наше дослідження присвячене вивченню лексики будівництва та архітектури в писемності Київської Русі та її подальшої долі в східнослов'янських мовах. У даній публікації висвітлено історію деяких назв споруд та приміщень ув'язнення – *тьмьница, погребъ, порубъ*. Слід